ОИК
АБ15 349

ОИК

4й
Фут.

Кн. чист. стр. все. [illegible]

РЖАНОЕ СЛОВО

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ФУТУРИСТОВ

1918

ОИК
ЛБИЯ 349

РЖАНОЕ СЛОВО

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ФУТУРИСТОВ

Предисловие А. В. Луначарского

От редакционной коллегии

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

790135

ПЕТРОГРАД.
18-я Государственная типография. Лештуков пер.. 13.
1918.

Предисловие.

В нынешнюю трудную пору писатели часто оказываются лишенными возможности опубликовать свои произведения.

В былые времена такие трудности встречались особенно часто на пути революционных писателей, и не только тех, кто в произведениях своих проводили революционные идеи, но и тех, кто стремился произвести революцию формы и шел против установившейся рутины.

Сейчас государству рабочих и крестьян приходится все в большей мере брать на себя дело издательства литературных произведений, все равно каким путем, непосредственно ли через гос. издательства, или через советское, или путем субсидии.

И уж, конечно, оно должно поставить себе за правило дать всему новому, свежему доступ к массовому читателю. Лучше ошибиться и предложить народу что-ниб. не могущее ни сейчас ни позже снискать его симпатии, чем оставить под спудом, (на том основании, что тому или другому, оно сейчас не по вкусу), произведение, богатое будущим.

Поэтому Комисс. Просв. охотно пошел на помощь в деле издания, „Ржаного Слова". Книга написана футуристами. Разно к ним относятся и многое можно о них сказать критического. Но они—молоды, а молодость революционна. Неудивительно поэтому, что от их задорного, яркого, хотя под час и причудливого искусства—веет родным нам воздухом мужества, удали и шири. В стихах Маяковского звучит много нот, которым не будет внимать равнодушно ни один молодой годами, или душою революционер.

Пусть слушает и оценивает пролетарий все: старое и новое. Не будем ничего ему навязывать, будем однако ему показывать все.

А. Луначарский.

Эту книгу должен прочесть каждый!

Зачем?

Зачем нам бессвязная галиматья людей заполняющих страницы не высокими строками „горящими вдохновением", а набором бессвязных звуков?

Зачем нам вместо столетиями чтимых великих эти раскрашеные рекламисты?

Сегодняшний день поставивший столько сияющих задач не оставляет времени для этих „пережитков прогнившей культуры".

Довольно. Остановитесь. Все ваши возражения — ложь желтых.

Кто такие футуристы.

Никому не запрещено называться футуристами. Под этой кличкой прошли выступления и итальянца Маринетти ставившего политическую задачу — возрождение Италии — войну, и русских сладкопевцев вроде Северянина, и наши — молодых поэтов России напедших духовный выход в революции и ставших на баррикады искусства.

Смешав немешаемое, критики, за грехи одного назвавшагося футуристом, требуют к ответу все течение.

Ругают абрикос за толстокожесть апельсина только потому, что оба фрукты

Мы ограничили наш сборник российскими поэтами выбрав из них тех, чье слово и сейчас считаем ржаным и насущным.

В чем насущность сегодняшней поэзии?

„Да здравствует социализм" под этим лозунгом строит повую жизнь политик.

„Да здравствует социализм" этим возвышенный идет под дула красноармеец.

„Днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь" говорит поэт.

Еслиб дело было в идее, в чувстве—всех троих пришлось бы назвать поэтами. Идея одна. Чувство одно.

Разница только в способе выражения.

У однаго—политическая борьба.

У второго—он сам и его оружие.

У третьяго—венок слов.

Какое новое слово у футуристов?

Каждый господствававший класс делал свои законы—святыми—непреложными.

Буржуазия возвела в поэтический культ—мелкую сантиментальную любовишку—гармоничный пейзаж—портрет благороднейших представителей класса. Соответствующе и слова ея—нежны—вежливы—благородны.

Все благополучно все идеализировано.

Так. поэт Фет, сорок шесть раз упомянул в своих стихах слово «конь» и ни разу не заметил что вокруг него бегают и лошади.

Конь изыскано, лошадь буднично.

Количество слов „поэтических“ ничтожно. „Соловей“ можно—„форсунка“ нельзя.

Для их мелкой любви совершенно достаточно одного глагола „любить“ им непонятно зачем футурист Хлебников шесть страниц заполняет производными от этого глагола так что даже у наборщиков буквы „Л“ не хватает.

И вся эта поэтическая вода вливалась в застывшие размеры стеклянных штампованных размеров.

Первая атака поэтов революционеров должна была бить по этому поэтическому арсеналу.

Это сделали футуристы.

Мы спугнули безоблачное небо особняков зевами заводских зарев.

Мы прорвали любовный шопот засамоваренных веранд тысяченогим шагом столетий. Это наши размеры—какофония войн и революций.

И не наша вина если и сейчас благородные чувства гражданских поэтов забронированы в такие эпитеты как „царица свобода“ „золотой труд“ у нас давно царицы и золоты сменены железом, бунтом.

Только с нами дорога к будущему.

Конечно предлагаемая книга не исчерпывает футуризма. В ней собраны стихи на специальную тему — слово революция у революционеров слова.

Грядущее обрисует фигуру футуризма во вес рост, пока это не мертвец позволяющий себя анатомировать, а боец разворачивающий знамя.

Редакционная коллегия.

Николай Асеев

Из кн. „Оксана".

Безумная песня

Рушится ночь за ночью:
Падай, безумье, падай!
Мы пленены воочью
Грозной твоей усладой.

Только метнет прожектор
Резкую ясь — и снова
Темный уходит Гектор
От очага родного.

В небо бросайтесь, в небо,
Грохотом сумрак взроем, —
С нами, кто смертным не был,
Кто родился героем.

Там в золотом убранстве,
В мощи вечного пыла
Плавает зоркий ястреб —
Гонщик яростнокрылый,

Мы ж из под вечных ярем,
Из под темнин окружных
Разом в него ударим
Воем тетив содружных.

Осада неба

Богдану

Сердец отчаянная троя
Не размела времен пожар еще,
Не изгибайте в диком строе,
Вперед, вперед, вперед, Товарищи!

Эй, эй! Один склоняет веки,
Хватая день губами мертвыми,
Взвивайте горы, грозы, реки —
Он наш, он наш, он вечно горд вами!

Эй, эй! Он брат нам, брат нам, брат нам
Его, его земель и прав длинна...
Не будет здесь на ветре ратном
Его дыхание окровавлено.

Увидите: на море это
На сухопутье и на воздухе!
Такая ль воля — не допета,
Пути ль не стало этой поступи...

Гляди, гляди больней и зорче,
Еще, еще, еще на мир очуй,
Мы бьем, мы бьем по кольцам корчей,
Идем, идем к тебе на выручу.

Осмейте
Разговор о смерти,
Пусть жизнь пройдет не по моему
Под глупое тявканье пушек,

И неба зрачки наполнив помоями,
Зальется дождем из лягушек.
Я знаю, как алчно б
Вы бросились к этой стране,

Где время убито, как вальдшнеп,
И дни все страшней и странней;
И эти стихи стали пачкой летучек,
Которых прочесть никому не посметь,

Где краской сырою ложится на тучах
„Оксана жизнь и Оксана — смерть!"
Чьи губы новы и чьи руки — не Вы,
Чьи косы длиннее и шире Невы,

Как росы упали от туч до травы,
И ветер новых войск: —
Небывших дней толпа
Ведет межмирный поиск,

Где синий сбит колпак
И эту русую росу
И эту красную грозу
Я первый звездам донесу.

Граница

Гляжу с улыбкой раба;
Одного за другим под знамена
Грозясь несет велеба,
Взывая в даль поименно!

Какой человек в подъемнике
Подбросился вверх, как мячик!..
— Склонились внезапно домики
Для взоров искусно зрячих,

Их много вдали игрушечных
Свалилось, как черный козырь,
Когда от дыханий пушечных
Бежали по небу розы.

Светись о грядущей младости
Еще не живое племя...
О, Время! Я рад, что я достиг
Держать тебе нынче стремя.

Москва, Октябрь, 1914.

Проклятие Москве

С улиц гастроли Люце
Были какой-то небылью,
Казалось — Москвы на блюдце —
Один только я неба лью.

Нынче кончал скликать
В грязь церквей и бань его я,
Что он стоит в века
Званье свое вызванивая?

Разве шагнуть с холмов
Трудно и выйти на поле,
Если до губ полно
И слезы весь Кремль закапали

Разве одной Москвой
Желтой живем и ржавою.
Мы бы могли насквозь
Небо пробить державою.

Разве Кремлю не стыд
Руки скрестить великие
Ну так долой кресты!
Наша теперь религия;

Давид Бурлюк

„Газета футуристов“ „Осенняя антология“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Утверждение бодрости.

Всякий молод молод молод
Животе чертовский голод
Я бросаю краткий клич
Этот гордый спич

Будем кушать камни травы
Горечь сладость и отравы
Будем лопать пустоту
Глубину и высоту
Птиц зверей чудовищ рыб
Ветер глины соль и зыбь

Каждый молод молод молод
Животе чертовский голод
Все что встретим на пути
Может пищу нам идти.

Делец.

Посмотрел на лес ядреный:
„Бревна ладить на острог,
Уголь, клепка, дров вагоны —
Знатна прибыль! Крупный торг!“

Бреге стал реки широкой
„Вот так сплав,— фарватер знатный!..
Здесь построю дом высокий
Сколько силушки бесплатной!..“

По степи табуи пронесся:
Храп ноздрей и пыль копыт:
„Пелион свезу на Оссу,
Лишь бы диких приучить!..

Приспособить мудрой лямке,
Чтоб тянули день и ночь,
Косогор, высоты, ямки
Научились превозмочь.

Сила вся повиновенья —
Прилежанье чтите, труд!
Пусть вступает управленье
Министерством мистер Кнут

Если ж знойно встанет буря
Вал под'емлется глубин,
Я поставлю споро-мудро
Мощно лопасти турбин.

Все, вокруг себя, что вижу:
Все стихии, всю природу
Под ярмо, смеясь, принижу
И создам рабопороду“!

Урал.

Призыв

Приемля запахи и отрицая вонь...

Русь — один сплошной клоповник!..
Всюду вшей ползет обоз,
Носит золоте сановник,
Мужичек, что весь промозг.

Осень... тонем студной... слякоть...
„Номера“ — не заходи:
Обкусают звери мякоть —
Ночь „центральных“ — проведи...

Всюду липкою тряпицей
У грудного заткнут рот!..
Есть? — вопли десятерицей —
Тошноты моря́ и рвот.

Русь грязевое болото
Тянет гнойный, пьяный смрад...
Слабы вывезть нечистоты
Поселенье, пристань, град.

Грязь зовут — враги — отчизной!
Разве этом „русский быт“?.
Поскорее правим тризну —
Празднествам параш, корыт!..

Моем мощной, бодрой швабой
— Милый родины удел
Все, кто духом юно-храбрым
Торопясь, не оскудел!

Поволжье

Мои друзья

Где мысль бесстрашна и
чело гордо поднято.
Где знание свободно.

Р. Тагор.

Безумно веселые дети,
Которым шагнуло за тридцать
Не Вам этом радостном свете
„Мещанскою" валью возиться!

Не Вам, изогнув за конторкой
Свои молодые хребты,
Дышать атмосферой прогорклой
Наживы, бумаг, суеты.

Болоте житейском Вы чисты,
Отважные „рыцари львов",
Искусные артиллеристы
Грядущаго века основ.

Дворянском гнилом парадизе
Оплотишке низших сует
Не Вы завсегдаблюдолизы,
Поморитея коими свет.

Василий Каменский

Из кн. „Звучаль Веснианки".

Стенька Разин — сердце народное

Сарынь на кичку
Ядрёный лапоть
Пошел шататься по берегам.
Сарынь на кичку.
Казань — Саратов.
В дружину дружную
На перекличку
На лихо лишнее врагам.
Сарынь на кичку.
Боченок с брагой
Мы разопьём
У трех костров.
И на приволье волжском вагой
Зарядим в грусть
У островов.
Сарынь на кичку.
Ядреный лапоть —
Чеши затылок у перса-пса.
Зачнем снизовья
Хватать царапать
И шкуру драть
Парчу с купца.
Сарынь на кичку.
Кистень за пояс
В башке зудит
Разгул до дна
Свисти — глуши

Зевай — раздайся
Слепая стерва — не попадайся.
Вввв — а.

Знайте бояре — купцы
Прислужники царские:
Что мы за народ молодцы
Головы сложим гуслярские.
Знайте что жизнь нам дана
А любимая Волга — престольница
Наша воля пьянее вина —
Спасай понизовая вольница.
Опоясывай
От Казани — до Персии.

Будет день — и откроет ворота
Каждый — для вольных гостей
Чтобы в жизни любая забота
Была равной для равных затей.
Будет день — и закружатся кружно
В хороводах навеки друзья —
И сплетутся все руки задружно
Бедняки — и купцы — и князья.
Будет день—все в семью соберутся
Под единым заветным окном
И тогда эти песни прольются
В сердце каждого крепким вином.
Будет день.

А пока наша доля сермяжная
Разобижена палачами.
Берегись ты отродие княжное
Обожравшее нас калачами.
И пока наша доля — раздольница
Чует слезное горе кабацкое —
Ты бунтуй понизовая вольница
За житье наше братское.

Ну враз еще — сарынь на кичку —
Я знаю час евой роковой —
За атаманскую привычку
На плаху лягу головой.
И пускай — я
В день июньский
Да солнечно ясный
Из молодецкого стана
На площади красной
Москвы палачи
Зарубили Степана.
И нестало Великих очей.
Говорят — что грачи
Кричали тринадцать ночей:
Степан Разин — Народное сердце —
Эй Степан — эй Степан — эй Степан.
Будет день —
С колоколен московских
Нам возвестие звонко пробьют:
Это там —
На горах жигулевских
Стеньке Разину память вспоют.
Будет день —
И весенний и дивный
О веселье победном — бурлацком
Перекликнется клич переливный
О пришествии братском.
Будет день —
Станут люди — все други
И сольется святая сокольница.
Дружно вспомнятся Разина струги
И понизовая вольница.
А сегодня — когда молодецкая
Наша жизнь океанским крылом
Разлилась просто-чудо-простецкая
Мы летим на великий Пролом.

И сегодня—в полете волнений
Вспоминая Степана привычку—
Станем праздновать тризну гонений
Распевая:
Сарынь эй на кичку.
Станем сердцем заклятвенным биться
За весеннюю долю—
Если пить—никогда не напиться
За народную волю.

Дни настали огневейные—
Расступитесь небеса—
Пойте песни солнцелейные—
Раздувайте паруса.
Мир раздолен и чудесен
День для счастья Дня.
Больше Песен—Песен—Песен
Сердца и Огня.
Надо гуще дружбы—братства
На едину сторону
Всю казну и все богатства
Мы разделим поровну.
Станем помнить солнце—Стеньку
Мы от кости Стеньки кость—
И пока горяч—кистень куй
Чтоб звенела молодость.
Раскудряво кудри вьются
Молодецкою порой—
Песни сами пропоются
Только шире рот открой.

Ухх и настало же времячко
Строить судьбинушку сущую—
Захвачу завтра бревен беремячко
Да построю избу ядренущую.
Выберу место в горах—что повыше
Чтобы веселому—здоровому стать

Нары поставлю прямо на крыше
И буду под небом спать.
И вообще надо круто раздолиться.
Волга — долгая
А жизнь коротка.
И каждый в ком Разин задорится
У кого трудовая рука —
Разом пойметь батрака —
Куда с радости кинется —
Стала на веки — века
Именинница.
Весело. Вольно. И молодо.
Все Мир Новый рожаем.
С солнца червонное золото
Падает урожаем.
Звеним. Торжествуем. Безпечны.
Будто дети — великие дети
У которых сердца человечны
А глаза на весеннем расцвете.
Станем жить. Создавать. Вспоминая.
Эту песню мою бирюзовую —
В дни чудесного волжского мая
Долю Разина — быль понизовую.
Все равно жизнь — малина
А струги — лебединая стая.
Разливайся Волга — судьбина
Парусами густая.
Прожито все — что назначено.
Добыто все — головой.
Дело навеки раскачено.
Эй — заводи рулевой.
Затомило предвестье
Потянуло ко дну.
Все угнали да с песнями
Зимовать на Дону.
Эх ты мать.
Зимовать на беду — на Дону

Борис Кушнер

„Митинг Дворцов".

Митинг Дворцов

Аллитерованная проза.

Был барабан.

Был барабанщиком конный с гранитной глыбы.

Бой копыт Фальконета заставил даже пыль Марсова поля звенеть.

Герольды — трубач с дворцовой колонны, рубака с Мариинской Площади и третий—в медалях грудь — трехсотпудовой медной рудою на квартирной булыжной груде стал.

там,

Где медовыя дали Азии, Сибирью зияя, за решеткой окна в Европу теплятся.

Гулко герольды сзывают:

— На митинг, на митинг, на митинг...

Шли.

Над братской оградой, рада не рада, дворцов затаенная рада метнулась в знамя невероятной речи.

Зимний двуглавый с пачкой орлов обезглавленных. красный от крови, которой цари мокли, пришел на порог братский и тупо бросил единственный в мире барóк.

Нервный Инженерный Замок с надменностью мальтийца лез искаженной рожей через лысыя липы Летнего Сада.

Ласковым бархатом лени барской ползучия выгнались арки над темнеющей ракой отверженной Аркадии.

Истовым крестом — набожный красавец — крестился Аничков. Ничком пробирался на площадь. Под мышкою с домовым богом побирался.

Понуро привел панургово театров стадо Глинка.

Желтела, белела Александринка. слоновыя челюсти колонн оскалив.

Голубой калиф, мечтала мечеть в небо руками.

Тонко...

Цирк Модери в сторонке.
У ног Цитадель, как серый камень.
Биржа делегатами прислала Ростры. корабельных корпусов чреватыя кесаревым сечением.
Легатами Мраморного стояли рамы пилястров тускнеющих.
Какой-то молью изъеденный с Мойки.
И стройный Смольного Девиц Растрелли.

Четырех перспектив бессменный председатель, глава ватаги гигантов, небрежно играя игрою курантов, в стрельчатый локон волосы выся, доклад грохочет голосом выси:

Товарищи! Города горло сжато. Не смеют рынков хоры туманов охры рвать в рыданьях о старом. На ветошь татарам наветов продали ненужных оранжереи. Пальбою сдавленные по панели хиреют хвостов удавы. Куда вы? Куда вы? Былому точка выбита в пулеметной очереди. Впереди, ради наших сынов хвастливой радости, еще ли дикия оргии штыки расправили?

Правы ли те, которые правили? Или оравы поведут города?

Не хватит четырех дум мудрости опровергнуть злоречие грудам на грудь припавших трупов.

Правы ли те, которые правду в муках сердцем окровавленным выродили? Или те, чьих брюх выродившаяся трусость над миром породисто пушками по родинам бухает?

Война поперхнулась. Бой — обалдел. Не беда, что мир не у дел. Тает печаль без вести повешенных. На цыпочках завтра к набату. Всех на цепи приведет парад расплаты. Сбросив трехцветные латы, смерть первая взойдет на баррикаду.

Вы, товарищи, древнейшая в городе нация. Вы целовали уста и черным и красным любовницам столицы. Поймите — вель небо не синяя ассигнация, не разменная по курсу золота зорь. Небо не только людям полезно. Небо — вещь и хочет, забившись в щель бездны, бояться глупых выстрелов. Быть может оно, роняя глазницы звезд, с солнцем, вытекшим от зноя революций, в зените не выстоит и грянет под ноги людям, не сберегшим зеницы ока.

Товарищи! сегодня дворцам речь. Слов много выкрикнем в ухо эху. Анналов не надо. Кандалы каналов сложим на аналое бессонной ночи. Горят площадей чадные плошки. Мнятся лица пощечиной. Ло-

щины улиц юлят. Гулко лощит трескотня переулки. Ручища орут мятежа.

Тяжкой поступью, по ступицу увязая в гнев сердца, пятная оторопь прохожих, проходят на попятный осужденные. Пятый день торонливо скрипит бегущий такелаж возстания под пятой Авроры. Горы прошлого в страхе прахом раз'аханы. Сколько таких непрошенных погибло на эшафоте. Последний еще и убрать не успели. Лежит он мертвый где-то на Невском, на Кирочной, очной ставкой грозя ночи покою.

А люди из Смольного смогут ли? Тоже не больно. В феерверки укутались. Западу молятся крамольно.

Вот бароны головы монархов, верки обороны в западни хохлят.

Затмилась лозами пальма. Возами вечные лозунги на свалку. И даже последний туда отвезли — в подпалинах, в нагольном тулупе — Стокгольм.

Пока гордый табун декретов без узды вымолачивает степь за Днепром, и Доном, — на Эльбе и Темзе, на Сене и нервных берегах Гудзона, в зоне все еще буйно помешанных, люди рушат города и бегут озорные, набрав каменьев, проломить другому глупому голову. Там, говорят, голова дешевле, чем в Чарджуе гнилая дыня. Головы дешевы, да камни дороги. Дорогие товарищи! неужели допустим, чтоб благородный мрамор, столетний гранит, серый и красный, как сердце граната — тела наши — были растасканы убийцам на гранаты.

Хорошо ночью над городом, товарищи. Глухо как дворняжка спросоня, взвизгивает Викжель, языком железа лизнув окрашу.

О крае ином сном заботливы юноши.

Легка синь ноши.

Пока легкомысленный день не пришел развалиться на подушках неба,

с лютиком солнца в петлице,

посылая кальян океана,

Пуская, кольца облаков вереницей,

Товарищи, вволю насытив тишину молчанием, объявим и мы нашу волю отчаянья.

Внемли:

По глубоким пролежням земли, от тихого нашего рая до дальнего края, вплоть до долларов янки — океан разметался безпомощный, умирающий от водянки.

На тропе просторов нетронутых Алтая дремлет стена литая.
Кавказа горбы
Баррикадой Урал, крикнуть хребтами — ура!
Пора предъявить ко взысканию опротестованную декларацию прав угнетенной вещи.
Прямая и тайная рада
всем датам:
наш ультиматум — от звезды до звезды автономия вещи.
Кончил, и все согласны.
Голосуют гиганты.
Председатель вынимает из кармана куранты.
Принято единогласно.
Грузно дворцы расходятся. Бредут каменным шагом ухая. По мостам грохочут.
Лихо купол заламывая, жестом паническим, флигелей руками разводя лирически, взмыл по Шпалерной Таврический.
Краснея, но понимая отлично язык вражеский, Пажеский семенит за Публичной.
Лично на свое попечение берет Корпуса и Учебныя Заведения белых ночей Іеремия — Академия.
Все разбрелись феерического города парки.
В Гатчино Гатчинский, в Петергоф Петергофский ушли в тенистые парки.
И Смольный ушел на окраину. К груди пушку прижимает невольно. Хмурится на запад, мудрый и недовольный.

Владимир Маяковский

Из „Газеты футуристов“ „Войны и мира“.

Наш марш

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
Перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Нам бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг луг
Выстели дно дням.
Радуга дай дуг
Лет быстролетный коням.

Видите скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
Эй Большая Медведица! требуй
Чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей и пой!
В жилах весна разлита.
Сердце бей бой!
Грудь наша медь литавр.

Революция

Поэтохроника.

26 февраля. Пьяные, смешанные съ полицией, солдаты стреляли в народ.

27-ое.
Разлился по блескам дул и лезвий
рассвет.
Рдел багрян и долог.
В промозглой казарме
суровый
трезвый
молился Волынский полк.
Жестоким
солдатским богом божились
роты
бились об пол головой многолобой.
Кровь расжигалась висками жилясь.
Руки в железо сжимались злобой.
Первому же
приказавшему
—стрелять за голод!—
заткнули пулей орущий рот.
Чье то—„Смирно!"
Не кончил.
Заколот.
Вырвалась городу буря рот.
9 часов.
на своем постоянном месте
в Военной Автомобильной Школе
стоим

зажатые казарм оградою.
Рассвет растет
сомненьем колет
предчувствием страша и радуя.
Окну!
Вижу
оттуда
где режется небо
дворцов иззубленной линией
взлетел
простерся орел самодержца
черней чем раньше
злей
орлинее.
Сразу—
люди
лошади
фонари
дома
и моя казарма
толпами
по сто
ринулись на улицу.
Шагами ломаемая звенит мостовая.
Уши крушит невероятная поступь.
И вот неведомо
из пенья толпы—ль
из рвущейся меди-ли труб гвардейцев
нерукотворный
сияньем прибивая пыль
образ возрос.
Горит.
Рдеется.
Шире и шире крыл окружие.
Хлеба нужней
воды изжажданней

вот она!
Граждане за ружья!
К оружию граждане!
На крыльях флагов
стоглавой лавою
из горла города ввысь взлетела.
штыков зубами вгрызлась в двуглавое
орла императорского черное тело.
Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее „Прежде“
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделаем снова
Граждане!
Это первый день рабочего потопа.
Идем
запутавшемуся миру на выручку!
Пусть толпы в небо вбивают топот!
Пусть флоты ярость сиренами вырычут!
Горе двуглавому!
Пенится пенье.
Пьянит толпу.
Площади плещут
На крохотном Форде
мчим
обгоняя погони пуль.
Взрывом гудков продираемся в городе
В тумане
Улиц река дымит.
Как в бурю дюжина груженных барж
над барикадами
плывет громыхая марсельский марш.
Перваго дня огневое ядро жужжа скатилось за купол Думы.
Нового утра новую дрожь встречаем у новых сомнений
в бреду мы —

Что будет?
Их-ли из окон выломим
или на нарах
ждать
чтоб снова
Россию
могилами
выгорбил монарх?
Душу глушу об выстрел резкий.
Дальше
в шинели орыт.
Рассыпав дома в пулемётном треске город
грохочет.
Город горит.
Везде языки.
Взовьются и лягут.
Вновь взвиваются искры разсея.
Это улицы
взяв по красному флагу
призывом зарев зовут Россию.
Еще!
О еще!
О ярче учи красноязыкий оратор!
Зажми и солнца
и лун лучи
мстящими пальцами, тысячерукого Марата!
Смерть двуглавому!
Каторгам в двери
ломись
когтями ржавые выев.
Пучками черных орлиных перьев подбитые
падают городовые
Сдается столицы горящий остов.
По чердакам раскинули поиск.
Минута близко.
На Троицкий мост вступают толпы войск.

Скрип содрагает устои и скрепы.
Стиснулись.
Бьемся.
Секунда!
и в лак
заката
с фортов Петропавловской крепости
взвился огнем революции флаг.
Смерть двуглавому!
Шеище глав
рубите наотмашь!
Чтоб больше не ожил.
Вот он!
Падает!
В последнего-из-за угла!—вцепился.
„Боже
четыре тысячи в лоно твое прими!“
Довольно!
Радость трубите всеми голосами!
Нам
до Бога
дело какое?!
Сами
со святыми своих упокоим.
Что ж не поете?
Или
души задушены Сибирей саваном?
Мы победили!
Слава нам!
Сл-а-а-в-в-в-а нам!
Пока на оружии рук не разжали
повелевается воля иная.
Новые несем земле скрижали
С нашего серого Синая.
Нам
Поселянам Земли

каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам
по конторам
по шахтам братья.
Мы все
на земле
воины одной
жизнь созидающей рати.
Пробеги планет
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля.
Воздух нам.
Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда
никогда!
никому
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать
воздух наш раздирать остриями отточеных копий.
Чья злоба надвое землю сломала?
Кто вздыбил дымы над заревом боен?
Или солнца
одного!
На всех мало
или небо над нами мало голубое?!
Последние пушки грохочут в кровавых спорах
последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.
Не трусость вопит под шинелью серою
не крики тех кому есть нечего
это народа огромного громовое:
— Верую
величию сердца человечьего!—

Это над взбитой битвами пылью
над всеми кто грызся в любви изверясь
днесь
небывалой сбывается былью
Социалистов великая ересь!

Война и мир

ЧАСТЬ V.

А может быть
больше
у времени хамелеона
и красок никаких не осталось.
Дернется еще
и ляжет,
бездыхан и угловат.

Может быть,
дымами и боями охмеленная,
никогда не подымется земли голова.
Может быть...
Нет
не может быть!
Когда нибудь да выстеклится мыслей омут
когда нибудь да увидит, как хлещет из тел ала.
Над вздыбленными волосами руки заломит,
выстонет;
„Господи,
что я сделала".
Нет,
не может быть!
Грудь,
срази отчаянья лавину.
В грядущем счастье вырыщи ощупь.

Вот,
хотите,
из правого глаза
выну
целую цветущую рощу?!

Птиц причудливых мысли роите.
Голова,
закинься восторженна и горда.
Мозг мой,
веселый и умный строитель,
строй города!
Ко всем,
Кто зубы еще
злобой вéщемил,
иду
в сияющих глаз заре.
Земля,
встань
тыщами
в ризы зарев разодетых Лазарей!

И радость!
радость!
Сквозь дымы,
светлые лица я
вижу.
Вот,
приоткрыв помертвевшее око,
первая
приподымается Галиция.
В травы вкуталась ободранным боком.

Кинув ноши пушек,
выпрямились горбатые,
кровавленными сединами в небо канув,

Альпы,
Балканы,
Кавказ,
Карпаты.

А над ними
выше еще,
двое великанов
встал золототелый,
молит:
„ближе
к тебе с изрытого взрывами дна я“
Это Рейн
размокшими губами лижет
иссеченную миноносцами голову Дуная.

До колоний, бежавших за стены Китая,
до песков, в которых потеряна Персия,
Каждый город
ревевший,
смерть кидая,
теперь сиял.

Шопот.
Вся земля
черныя губы разжала.
Громче.
Урагана ревом
вскипает,
„Клянитесь,
больше никого не скосите!“
Это встают из могильных курганов,
мясом обрастают хороненные кости.

Было-ль,
чтоб срезанныя ноги
искали-б

хозяев;
оборванныя головы звали по имени?
Вот
на череп обрубку
вспрыгнул скальп,
ноги подбежали,
живыя под ним они.

С днищ океанов и морей,
на реях,
оживших утопших выплыли залежи.
Солнце!
в ладонях твоих изогрей их,
лучей языками глаза лижи!
В старушье лицо твое
смеемся
время!
Здоровые и целые вернемся в семьи!
Тогда
над русскими,
над болгарами,
над немцами,
над евреями,
над всеми:
по тверди небес,
от зарев алой
ряд к ряду,
семь тысяч цветов засияло,
из тысячи разных радуг.

По обрывкам народов,
по банде рассеянной,
эхом раскатилось
растерянное
„А-ах!“
День раскрылся такой;

что сказки Андерсена
щенками ползали у него в ногах.

Теперь не верится,
что мог итти
в сумерках улиček темный шаря.
Сегодня
у капельной девочки
на ногте мизинца
солнца больше,
чем раньше на всем земном шаре

Большими глазами землю обводит
человек.
Растет,
главою гор достиг.
Мальчик
в новом костюме,
— в свободѣ своей —
важен,
даже смешон от гордости.

Как священники,
чтоб помнили об искупительной драме,
выходят с причастием,
каждая страна
пришла к человеку со своими дарами

„На".

„Безмерной Америки силу несу тебе,
мощь машин!"

„Неаполя теплыя ночи дарю,
Италия,

палимый
пальм веерами маши".

„В холоде севера мерзнущий,
Африки солнце тебе!"

„Африки солнцем сожженный,
тебе
со своими снегами,
с гор спустился Тибет!"

„Франция,
первая женщина мира
губ принесла алость".

„Юношей Греция,
лучшие телом нагим они".

„Чьих голосов мощь
в песни звончее сплеталась!?
Россия,
сердце свое
раскрыла в пламенном гимне!"

„Люди,
веками граненную
Германия
мысль принесла

„Вся
до недр напоенная золотом
Индия
дары принесла вам!"

„Славься, человек,
во веки веков живи и славься

всякому
живущему на земле
слава,
слава,
слава!"

Захлебнешься!
А тут и я еще.
Прохожу, осторожно,
огромен,
неуклюж.
О, как великолепен я
в самой сияющей
из моих безчисленных душ.

Мимо поздравляющих,
праздничных мимо я
— проклятое,
да не колотись ты —
вот она
навстречу.

„Здравствуй любимая!".

Каждый волос выласкиваю,
вьющийся,
золотистый.
О, какие ветры,
какого юга
свершили чудо сердцем погребенным?
Расцветают глаза твои,
два луга!
Я кувыркаюсь в них,
веселый ребенокъ.

А кругом:
Смеяться.

Флаги.
Стоцветное,
Мимо.
Вздыбились.
Тысячи.
Насквозь.
Бегом.
В каждом юноше порох Маринетти,
в каждом старце мудрость Гюго.

Губ не хватит улыбке столицей,
все
из квартир
на площади
вон!
Серебряными мячами
от столицы к столице
раскинем веселие,
смех,
звон!

Не поймешь
это воздух,
цветок ли,
птица ль!
И поет,
и благоухает,
и пестрое сразу,
но от этого
костром разгораются лица,
и сладчайшим вином пьянеет разум.
И не только люди
радость личью
расцветили,
звери франтовато завили руно,
вчера бушевавшия

моря,
мурлыча
легли у ног.

Не поверишь,
что плыли
смерть изрыгав они.
В трюмах
навек забывших о порохе
броненосцы
провозят в тихия гавани
всякого вздора яркие ворохи.
Кому же страшны пушек шайки
эти,
кроткия,
рвут?
Они
перед домом,
на лужайке,
мирно щиплют траву.

Смотрите,
не шутка,
не смех сатиры
средь бела дня,
тихо,
по парно,
цари задиры
гуляют под присмотром нянь.

Земля
откуда любовь такая нам?
Представь—
там
под деревом
видели

с Каином
играющего в шашки Христа.

Не видишь,
прищурилась, ищешь?
Глазенки щелки две
Шире!
Смотри,
мои глазища
всем открытая собора дверь.

Люди
любимые,
нелюбимые
знакомые,
незнакомые
широким шествием излейтесь в двери те.
И он
свободный,
ору о ком я,
человек
придет он,
верьте мне,
верьте!

Виктор Хлебников

Из кн. „Студия импрессионистов“
„Из сборника стихов“.

Заклятие смехом.

О, разсмейтесь смехачи
О, засмейтесь, смехачи

Что смеются смехами, что смеяниствуют смеяльно

О, засмейтесь усмеяльно

() разсмешищ надсмеяльных-смех усмейных смехачей
() изсмейся разсмеяльно смех надсмейных смеячей

Смейево, Смейево
Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики,

О, разсмейтесь смехачи
О, засмейтесь, смехачи

Война

Вселенночку зовут мирея, полудети...
И умиратище клянут
Быть мертвым звала добродетель
Они послушались понуд

Немотичей и немичей
Зовет взыскующий сущел
Но новым грохотом мечей
Ему ответит будущел

Сумнотичей и грустистелей
Зовет рыданственный желел
За то, что некогда свистели,
В свинце отсутствует сулел.

Свинец согласно ненавидим —
Сию железную летаву,
За то что в цели его видим
Звонко багримую метаву.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ОИК-60031